

Устойчивое развитие: концепция, основы, вызовы, применения

1. Устойчивое развитие как путь общественного развития

УР представляет собой, очевидно, наиболее амбициозную концепцию политики из всех когда-либо разработанных. Это понятие описывает цель - обеспечить для той или иной системы на долговременной основе способность существования и витальность (viability). В политическом смысле оно нацелено на долгосрочное поддержание функциональной и исполнительной способности экономической и общественной системы, на благополучие людей и сохранение здоровой окружающей среды, причем во всем мире.

Если исходить из примата политики, здесь возникает двойной вызов для политики УР: с одной стороны, она должна настолько расширить пространственные и временные границы политического действия, чтобы будущие поколения, а также отдельные нации и их граждане были включены в перспективу действий (снятие границ в пространстве и времени, включая глобализацию ответственности). С другой стороны, она должна добиться интеграции всех релевантных областей политики в стратегию УР. Оба новшества представляют собой существенные, в таком виде еще не встречавшиеся вызовы для формирования политики.

1.1. Интеграция политики

Говоря в последующем об УР, устойчивости, мы имеем в виду субстанциональную устойчивость (которую еще обозначают как способность к будущему), в отличие от попытки заново рекламировать старые концепции без последующего содержательного развития под этикеткой «устойчивая политика». Такая устойчивость требует поддержания продуктивных и репродуктивных потенциалов граждан, общества, экономики и окружающей среды в процессе взаимозависимого развития (коэволюции). Она представляет собой антропоцентричную концепцию макро-уровня, которая воспринимает людей как социальные личности, т.е. как обобществленные индивидуумы с экономическими, социальными, культурными, эмоциональными и иными формами одновременной интеграции в различные социальные группы, в частности семью, круг друзей, коллег, рабочий коллектив, слой, религиозное сообщество, организацию по интересам.

В этом смысле УР включает в себя требование надежно обеспечить «гуманную» систему (человеческий капитал в экономике, социальное измерение в Комиссии ООН по УР (UNCSD), шанс на реализацию, или *sarabilities* в рамках «Sen 2000»), общественную систему (социальный капитал, институциональное измерение, сумма правил и механизмов, определяющих сожителство людей), экономику (основной и финансовый капитал, экономическое измерение, сумма производственных процессов и их средств в наемном и ненаемном труде) и окружающую среду (природный капитал, экологическое измерение, часть природы, не управляемая доминантным образом человеком). В смысле устойчивости эти системы и их взаимоотношения следует к тому же сформировать таким образом, чтобы они в общем образовывали стабильно развивающуюся систему (необходимость интеграции). Так, например, сокращение потребления ископаемого топлива является экологической необходимостью, а также первостепенной политической задачей для укрепления мира. Отход от ископаемого топлива должен поэтому быть одной из центральных целей экономической политики, связанной с мероприятиями по сокращению потребностей и разработке заменителей, которые в свою очередь способствуют созданию новых рабочих мест. Подобным образом следует добиваться целей УР экономики, с тем чтобы инновации и инвестиции также соответствовали социальным, экологическим и институциональным критериям УР, к примеру, способствуя квалификации и качеству труда и жизни, сокращая воздействие на окружающую среду.

1.2 Снятие пространственных границ: глобальная ответственность вместо «крепости Европа»

Как результат дебатов Север-Юг концепция УР естественным образом изначально не ограничена национальным или региональным уровнем, подчеркивая глобализацию как экономических, так и экологических проблем, равно как и взаимозависимость затронутых ими людей и необходимую глобальность целенаправленных путей их решения. Эта взаимная зависимость (рабочее определение: невозможность в одиночку решить собственные проблемы) проявляется все в новых областях, от вопросов торговли и мирового хозяйства через экологию до внутренней безопасности, особенно актуально осенью 2001 г., хотя это было очевидным и до Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. (см. Spangenberg 1991; 1992). Она способствовала резкому оживлению дискуссии о «Global Governance» в последние годы (King, Schneider 1991, S. 103 ff.; Stiftung Entwicklung und Frieden 1995; CEC 2001; Kopfmüller 2003). Из

такой взаимозависимости вытекает расширение пространственной перспективы глобального видения как определяющая составная часть концепции.

1.3. Снятие временных рамок: межпоколенческая ответственность, также за экологические и социальные долги

Второе расширение касается временной перспективы: устойчивой является такая форма развития, которая обеспечивает в этом поколении широко понятое качество жизни и сохраняет для будущих поколений возможность выбора относительно желательного для них устройства жизни. Ставшая уже классической формулировка комиссии Брунтланд гласит: устойчивым является «„development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs” (WCED 1987, S. 43). Таким образом сохранение опциональности в протяженной во времени перспективе, степеней свободы возможных будущих решений (с учетом возможного, если не вероятного, изменения предпочтений) становится второй конститутивной новацией в концепции УР.

“The Earth belongs to each ... generation during its course, fully and in its own right. The second generation receives it clear of the debts and encumbrances, the third of the second, and so on. For if the first would charge it with a debt, then the Earth would belong to the dead and not to the living generation. Then, no generation can contract debts greater than may be paid during the course of its own existence...”

Thomas Jefferson and James Madison , 6. September 1789.

Другими словами: устойчивость социо-экономической системы требует, с одной стороны, возможности глобального обобщения своих образцов производства и потребления, в частности, с точки зрения критерия текущего и общего удовлетворения экономических, социальных, экологических и антропологических потребностей. Если это условие (понимаемое вследствие меняющихся предпочтений динамично) не выполнено, т.е. система базируется на последовательном привилегировании некоторых из них и дискриминации многих других, или на долгосрочно невозможном перерасходовании существенных (т.е. незаменимых) ресурсов, то такую систему нельзя назвать устойчивой.

С другой стороны, политика УР обязана быть восприимчивой к ошибкам и рефлексивной, т.е. делать ошибки возможными, поощрять толерантность к ним и учиться на них. С этой целью и с учетом непредсказуемости потребностей и предпочтений будущих поколений основные решения, хотя они и конституируют развития с

собственной динамикой, должны быть максимально изменяемыми, а их последствия - реверсивными. Так, например, атомная энергетика, производящая радиоактивные на тысячи лет отходы и оставляющая управление ими будущим поколениям, не является по этой причине способной к УР. Следовательно, устойчивость общественных систем не является конечным состоянием и сама подлежит постоянному развитию. К тому же устойчивость промышленно развитых государств Севера оценивается также по их воздействию на другие части глобальной экономики, общества и окружающей среды.

Устойчивость базируется, согласно такому определению, в первую очередь на антропоцентрично дефинируемых целях справедливости между и внутри поколений. В более конкретном плане из этого вытекает в духе устойчивости требование добиться социальной, экологической и экономической справедливости здесь и сейчас; при этом остается спорным, как следует, в частности, специфицировать в этом контексте взаимосвязь справедливости в настоящий момент и справедливости между поколениями - с учетом ожидаемых конкурирующих претензий на пользование (trade-offs).

1.4. Проблемы управления

Устойчивость является многоуровневой задачей, задающей цель для комплексных систем. Политика УР порождает в силу этого новые проблемы управления, поскольку системы, о которых идет речь, - экономика, общество, население и естественная окружающая среда - представляют собой динамические, способные к развитию системы,двигающиеся вперед не независимо друг от друга, а в постоянном процессе взаимовлияния (коэволюции). В отличие от механических систем, поведение комплексных систем нельзя полностью предсказать, что стало одной из причин неудачи концепции управления на основе административного вмешательства (например, в progressive era начала XX столетия в США или экономиках центрального планирования в Европе). Это не означает, впрочем, что управление невозможно per se, оно не может, однако, быть прямой реализацией целей, сформулированных вовне, должно реагировать на часто непредсказуемые обратные и косвенные последствия, являющиеся символом рефлексивной современности (Beck et al. 1996). Поправки и уточнения являются в этом смысле не признаком провала политики, а способностью учиться на ошибках. Контекстное управление, основывающееся на широком наборе инструментов (от правового регулирования и нормирования через экономические и информационные инструменты до плановых заданий), ведет затем к экономике с более сильной

политической управляемостью при одновременном уменьшении прямого вмешательства в экономические процессы (Hinterberger. et al . 1996; Renner 1998).

Это регулирование в целом следует осуществлять таким образом, чтобы оно институализировалось в качестве эволюционных процессов и дополняли рынок там, где он обнаруживает слабые точки. Такой подход соединяет созидательную директивность путем создания рамочных условий (контекстное управление) с мобилизацией самоорганизующихся потенциалов и их возможностей к развитию и инновации. Не только экономика, но и все общество, его модели благосостояния и формы труда, представления о справедливости и идеалы представляют собой, таким образом, обучающиеся социальные системы, которые должны быть приспособлены друг к другу (Katterle1999).

2. Операционализация

Высшей целью политики УР является сохранение функциональности целостной системы, состоящей из окружающей среды и человека, экономики и общества. Для операционализации этой цели можно описать общества и их естественные отношения как пространство в четырех измерениях. Окружающая среда, население, общество и экономика составляют при этом одно из измерений. Любой процесс развития затрагивает все четыре измерения, а УР представляет собой специфический набор **из** потенциально возможных путей развития.

2.1.Измерения

Исходя из характера развития целостной системы как коэволюции ее частей, следует признать неизбежным, что устойчивость каждой из частей системы подлежит оценке на основе эко комических, экологических, социальных и институциональных критериев. Их следует применять к каждому из четырех частей системы, которые в Комиссии ООН по УР обозначаются как измерения устойчивости (UNDPDSD 1996), а во Всемирном банке и многими экономистами - как фонды капитала (Serageldin 1997). Устойчивое хозяйствование направлено на сохранение запасов в смысле сохранения стоимости запасов (и зависит в силу этого от контекста) плюс сохранение производительности. Это распространяется на все четыре системы/измерения/фонды капитала, а также на наемный и ненаемный труд (Hofmeister 1999).

В такой структуре существуют следующие соответствия:

- институциональное измерение (часть системы «общество», социальный капитал) охватывает внешние и формальные и неформальные взаимоотношения, вытекающие из внешних, межличностных интеракций человека, релевантных для его действий.

- социальное измерение (часть системы «население», гуманный капитал - общность межличностных, личных качеств, свойств и опыта индивидов и социальных групп).

- экологическое измерение (часть системы «природная окружающая среда», природный капитал) - все биогеологические процессы и их элементы, т.е. процедуры и артефакты, не созданные человеком.

- экономическое измерение (часть системы «экономика», основной капитал) - производство, обмен и использование товаров и услуг с использованием наемного и несамого труда, включая их средства и результаты (деньги, доходы, имущество, накопление...).

Во всех (или почти во всех) человеческих действиях принимают участие все четыре измерения при изменяющемся вкладе каждого из них, - т.е. предпринятое разделение искусственно, но имеет смысл, поскольку описанные компоненты цельного «человеческого общества и окружающей его среды» обладают довольно различной функциональной логикой и структурами времени, что следует учитывать, принимая ориентированные на устойчивые решения. Все четыре измерения, или предметные сектора, или фонды капитала взаимодействуют между собой, и провести разделительные линии часто затруднительно (Spangenberg 2001). Особенно непросто разделить социальное и институциональное измерения, т.е. предметные сектора население и общество.¹

Так, например, индивидуальные представления об идеалах и предпочтениях относятся к социальному измерению, а идеалы как характеристика социальных групп - к институциональному. Оно охватывает межличностные структуры общества, т.е. возникающие в результате интеракций граждан институты и организации (общества, сетевые структуры по месту жительства и т.д.), механизмы (такие, как процессы принятия решений, взаимное доверие и толерантность, а также власть и возможности влияния) и ориентации (неодинаковые представления о социальных, целях, мета-идеалах УР, мифы или парадигмы и «mental maps»).

Такие институты, как убеждения, нормы, отношения, права собственности или учреждения, возникают как социальный ответ на вызовы природной или социальной окружающей среды и появляющиеся в ходе их преодоления проблемы сотрудничества (ЧуеизЪисЪ 2000). В более общем плане институты понимаются политическими науками (например, Сгада 1995) как межличностные механизмы, проводящие решения, и регулирующие системы². Под эту широко понимаемую дефиницию подпадают не только

легитимные институты, например, политические, обладающие легитимностью благодаря принципу представительности и своей способности к действиям и санкциям, или легитимные общественные институты, но и такие институты, как организованная преступность, ее механизмы влияния и делающие ее возможной традиции и настроения. Когда в дальнейшем речь идет об институтах, всегда имеются в виду те из них, которые - упомянуты первыми, поскольку лишь они рассматриваются как релевантные для институционально понимаемого УР, которое включает в себя транспарентность, ответственность, демократию и легитимность.

¹ Элементы институционального измерения в силу этого обычно относятся (если вообще учитываются) в более простых концепциях к предметному сектору «социального», который охватывает тогда индивидов населения, а также их социализацию, т.е. понимается очень широко, что ухудшает возможность его операционализации.

² Выбор дефиниции в поле политических наук происходит не произвольным образом: исторические, социологические и юридические подходы, в частности в рамках новой институциональной экономики, оказываются в рамках концепции УР, нацеленной на политическое действие, менее пригодными (ср. Spangenberg, et al. 2002, ders. 2002).

2.2. Критерии устойчивого развития в зависимости от фондов капитала/измерения

Для политики УР необходимо вместо слепой веры в экономический рост (или столь же слепого его отрицания) отказаться от веры в средство-панацею и перейти к политике, увязанной с определенными целями. Это представляло бы из себя и демократический прогресс, так как позволяет избирателям делать выбор между различными проектами будущего, а не только между различными средствами на пути к единой цели всего *classe politique*. Такие цели должны ясно озвучиваться на различных уровнях конкретизации (ср. также с разделением на ведущие принципы, правила «что и как» и индикаторы в НОР (Korfmüller et al. 2001) и отчеты бывших анкет-комиссий немецкого бундестага):

- центральные качественные цели, описывающие поверх измерений центральные характеристики искомой общественной формации;
- общие идеалы, представляющие собой контекст тех или иных специфических политических решений;

- специфические идеалы, конкретизирующие задачи действий в различных сферах политики;

- цели созидательных действий.

С учетом межпоколенческих представлений о справедливости можно назвать качественные цели для развития в направлении устойчивости (Hans-Böckler-Stiftung 2000): Основопологающей социальной целью является обеспечение возможности реализовать право на свободное развитие личности, наличие необходимых для этого предпосылок. Сюда относится, например, защита здоровья наемных работников путем ограничения и компенсации нагрузок наемного труда (экстенсивность, интенсивность, гибкость) через смешанный труд и собственные активные возможности, а также разъяснение и создание социальных и экологических циклов между трудом и жизнью, тем самым - повышение ключевых квалификаций, индивидуальной ответственности и инновативности.

Первоочередная цель с экономической точки зрения - сохранение статической и динамической эффективности, что означает сохранение и создание стимулов для экономичности равно как и постоянного улучшения экономичности путем инноваций, а также обеспечение привлекательности места размещения производства и соответствующего вклада в международную экономическую стабильность. Для этого, среди прочего, предназначено государственное рамочное регулирование по устранению недостатков рынка и рыночной экономики с тем, чтобы задействовать рыночные механизмы в полном объеме там, где это служит общему благу.

С экологической точки зрения высшая цель — долгосрочно обеспечить возможность регенерации природной системы. Для этого требуется сократить использование ископаемых первичных энергоносителей, общее изъятие сырья из природы, а также использование площадей таким образом, чтобы удалось ограничить до приемлемого уровня неизбежное изменение климата (IPCC et al. 2000), ослабить основные движущие силы, стоящие за большей частью современного (и, по-видимому, будущих) ущерба окружающей среде, до уровня, дающего природе возможность регенерации (ср. Schmidt-Bleek 1994), и создать благодаря сокращенному использованию ресурсов предпосылку для справедливого распределения в потреблении ресурсов во всем мире (ср. Spangenberg 1995). Сюда же относится защита биологического разнообразия от давления, производимого использованием площадей, изменением климата, эмиссиями вредных веществ и вторжением неиндигенных видов, а также исключение рисков для человека и окружающей среды через механизмы традиционной политики в области ок-

ружающей среды и, наконец, развитие устойчивой к ошибкам техники, исключаящей, например, использование атомной энергии.

С институциональной точки зрения предпосылкой для наполненной жизни в мире и социальной обеспеченности является свободный экономический и общественный порядок. Основа для реализации этой качественной цели - интерпретация общего блага, исходя из баланса индивидуальных предпочтений, солидарности и ответственности перед будущими поколениями. В качестве обеспечивающего свободу социального государства подобный экономический и общественный строй служит тому, чтобы сделать достойный человека стиль жизни возможным для всех граждан, включая обеспечение доступа к релевантным общественным процессам, образованию, культуре и процессам принятия решений, т.е. участие (партиципация) и демократизация. К этому следует добавить также возможность участия в трудовой жизни для всех (шансы на получение работы, полная занятость) и обеспечение средств к жизни для тех, кто не может участвовать в трудовой жизни или выполняют общественно признанные задачи вне трудовой деятельности (борьба с бедностью, социальное обеспечение), а также выстраивание надежных систем социальной защиты, в том числе минимальное социальное обеспечение (базовый доход или т.п.) и справедливый баланс между поколениями. Другим существенным аспектом является укрепление социальной справедливости между полами и поколениями в отношении участия в трудовой жизни и необходимых и целесообразных неформальных видах деятельности (ср. Brandl 2000).

Ниже этого уровня общих качественных целей, как уже замечено выше, расположены идеалы, или образы. К примеру, такая из общих качественных целей, как возможность наполненной жизни в мире и социальной обеспеченности, конкретизируется различными идеалами, например, в отношении разрешения конфликтов, социальной обеспеченности, труда будущего (например, образ: организация труда на производстве как часть смешанного труда (ср. Hildebrandt 1997) путем повышения значимости принципов попечительства, домашнего труда и солидарности), в отношении защиты социальных общностей, семьи и социальных групп (например, идеал: повышение значимости попечительских и общественных видов деятельности, что в свою очередь способствует лучшему социальному обеспечению (ср. Hildebrandt 1997). Для реализации другой общей качественной цели, права на свободное развитие личности, необходимо создать целый ряд предпосылок, в том числе в сфере образования, воспитания, гражданских прав, материального обеспечения, труда, права на мобильность и т.д.; все они конкретизируются специфическими образами.

Их, а также цели деятельности, например, в сфере охраны окружающей среды и природы детально и со знанием дела разработал Lüderitz (2004). Из институциональной цели в отношении организации мира труда вытекает, например, требование сделать участие в этом деле конкретным. Это не может касаться лишь необходимого сохранения и расширения участия в управлении предприятием, которое лагерь предпринимателей уже коллективно приговорил к ликвидации. Участие на уровне предприятия и концерна необходимо дополнить еще уровнем рабочего места, т.е. усилить индивидуальные права партципации в трудовой жизни. Эти требования относятся не только к институциональному измерению УР, но и усиливают социальное измерение путем образования и воспитания личности, а также экономическое измерение - через дополнительные инновационные потенциалы, которые до сих пор вхолостую теплятся в головах трудовых коллективов (в этом смысле отказ от участия в управлении как ограничения предпринимательской свободы является признаком скорее докапиталистически-феодалных структур власти на многих предприятиях). Как раз в эпоху кризисных экономических тенденций (глобализации) ключом к выживанию являются инновации, а не стратегии снижения затрат и издержек, изначально не способные предложить в соревновании с индустриализирующимися странами Юга долгосрочных и, тем самым, устойчивых решений. Усиливающие конкурентоспособность инновации не могут быть, однако, быть чисто техническими новшествами, они должны соединять технические, социальные и процессообразующие аспекты. Такие креативные ответы нуждаются в оригинальных решениях, которые, скорее всего, могут быть выдвинуты и реализованы при условии сотрудничества как можно большего количества людей. Другими словами: успешные инновации требуют интеграционного подхода, участия и партиципации - это касается и экономики, и бюджетной сферы, и институтов гражданского общества.

Для защиты от толчков, связанных с любым быстрым развитием, подобное инновационное общество нуждается в надежной системе социального обеспечения. Общество участия (партиципации) возможно лишь при условии социализации его граждан, которая может не может быть достигнута без когерентности и "активной" интеграции. Формальная и материальная свобода для развития собственной личности есть условие для формирования гражданской зрелости.

2.3. Против экономистического сужения перспективы

В настоящее время часто приводится аргумент о том, что необходимый уровень благосостояния может быть достигнут лишь путем эффективной аллокации (распределения труда и ресурсов между различными сферами хозяйственной деятельности) через свободные рынки, и поэтому политика дерегуляции наилучшим образом служит интересам отдельного индивида. Такая аргументация имеет множество слабых мест (№1\$оп 1997); в связи с УР следует хобо указать на следующие: экономическая теория, на которой основаны подобные предсказания (умножение благосостояния через дерегуляцию), воспринимает рынок как механизм обмена между хорошо информированными равными субъектами. То обстоятельство, что рыночные процессы представляют собой формы выражения стоящих за ними институтов (включая властные структуры), недооценивается политически доминирующей стандартной экономикой (в чем проявляется властная структура). Акторы и их интересы отодвигаются на второй план, в качестве цели пропагандируется полностью анонимный механизм обмена, в которые все имеют равные права и возможности. Таким образом, «совершенный рынок» не знает ответственных субъектов - он являет собой законченную форму коллективной безответственности. В силу этого те проблемы, которые нуждаются в индивидуальной ответственности, не являются в структурном смысле рыночно-способными.

Даже если допустить наличие идеальных рынков с обеспеченной эффективной аллокацией, оптимальный результат возможен лишь для тех частных товаров (и благ), которые имеется в виду распределять в зависимости от покупательной способности. Если же по политическим, этическим или другим причинам целесообразной считается иное распределение, то рыночный механизм нуждается в политическом дополнении, например, коррекции первичного распределения путем прогрессивных подоходных налогов, налогов на имущество и т.д., а также перераспределения при помощи трансфертов (в этом случае аллокация в зависимости от покупательной способности остается неприкосновенной, но сама покупательная способность перераспределяется). В качестве альтернативы или дополнения (например, при недостаточном перераспределении или для доступа к государственным товарам и благам) распределение может быть организовано через иные, чем рынок, механизмы; как в прошлом, места в детских садах, доступ к высшей школе и в целом государственные услуги предлагались не по принципу торгов, а по твердым расценкам. Такие коррекции механизма и результата рынка необходимы в контексте УР, поскольку устойчивость зиждется на справедливости (и во многих отношениях

представляет собой операционализацию расширенной цели справедливости), а рынок как институт не имеет целей более высокого уровня, чем справедливость.

Эти ограничения - отнюдь не окончательный приговор открытым рынкам товаров и финансов (Кейнс и Маркс тоже успешно спекулировали на бирже), а призыв видеть их преимущества и недостатки и целенаправленно использовать их в интересах вышестоящей политической стратегии и в подходящем контексте. Они указывают на проблемы, возникающие в результате инспирированного неолиберализмом «сплошной капитализации всех сфер жизни».

«Это обычная судьба новых истин, - считает, - быть в начале ересью, а в конце предрассудком». Что-то в этом роде, похоже, произошло и с истиной о том, что рынки играют в экономической жизни важную роль.

Amartya Sen (2000, 3. 139)

Наблюдавшееся в Западной Германии с 1980-х годов «огосударствление» в смысле расширения государственных аппаратов надзора и контроля, а также широкая государственная поддержка для создания рамочных условий аккумуляции (Гисп5 1987) продолжают, а после присоединения бывшей ГДР - усиливаются, как показывает дискуссия вокруг строительства «репрессивного государства благоденствия» в связи с планом действий федерального правительства «Агенда 2010».

3. УР как «социальная наука»

УР как «социальное учение», как ориентация, или метаобраз, мета-идеал, и новая трактовка прогресса отличаются от идеологий открытостью для будущего (недетерминированностью), а от либерализма - направленностью. В отличие от либерального предложения рассматривать устойчивость как регулятивную идею и применять критерии устойчивости лишь к процессу нахождения решений, независимо от его результатов (подобно теории справедливости Ролса (Rawls) такое представление можно было бы назвать процедурной устойчивостью), концепция УР, опирающаяся на исторические основы концепции, начиная с XVIII века, и особенно с 80-х годов XX века - на международные соглашения, решения ООН и т.д., не может отказаться от нормативных, преимущественно качественных целей (субстанциональная устойчивость). Устойчивость определяет канон, предназначенный для руководства политическим действием, не

предопределяет его, выступая, однако, в качестве контрольного критерия для результатов такого действия.

Подобная субстанциональная устойчивость требует в качестве инструмента политической ориентации и оценки интеграции очевидных ценностных ориентации и общественного анализа, представляя собой образец мышления и интерпретации, отражающий, сопровождающий и анализирующий общественные изменения, вос требующий его новые или другие варианты. Он помогает, например, распознавать сбои рынка (в силу идентифицируемых обстоятельств рынок не работает так, как он мог бы работать, например, при монополизации) и различать их (для аллокации товаров и услуг по иным критериям, нежели покупательная способность, рынок не является подходящим инструментом и неизбежно ведет к сбоям). На такой основе могут затем формулироваться и востребоваться альтернативы.

Правильно понятое УР представляет собой современную политику с целью укрощения капиталистической экономики на различных уровнях как ответ на нее и выражение стремления людей к справедливому и гуманному (т.е. также плюралистическому и толерантному) сообществу, к решениям с максимальной отдачей для общего блага. После конца герметически закрытых систем мышления и представлений о мире УР является тем самым, возможно, самым главным общественно-политическим контрпроектom по отношению к неолиберальному миропорядку.

В результате действующей теперь уже без всяких ограничений капиталистической логики:

- социальные отношения следовало бы строить исключительно на основе индивидуального собственного интереса (М.Тэтчер выразила это так: «there is no such thing as society»),
- тем самым свести общество к инструменту функционирования рынка, что (по Matzner, 2002) составляет существенную характеристику общества США и отличает его от наследуемой системы общества в Европе,
- подчинить государственное регулирование частному интересу, поскольку общественное измерение объявлено несуществующим или, по крайней мере, нерелевантным.

Понимание свободы в русле нынешней волны «либерализации» представляет собой узкую интерпретацию радикально-рыночного экономического либерализма без общественного измерения и имеет мало или ничего общего с пониманием свободы в традициях просвещения, на котором строится концепция УР. Остается лишь свобода

потребителей как часть происходящего на рынке, но отнюдь не свобода граждан, ибо она дефинируется как свобода в рамках сообщества. Правовому и социальному государству такие требования не угрожают. Они были и частично еще остаются носителями и выражением политической воли постоянно исправлять социальную слепоту рыночных событий как результат тех социальных движений 19-20 веков, которые связали друг с другом свободу и равенство. Равенство означает тогда равную свободу для всех, которая не имеет шанса стать реальной без постоянной коррекции имманентно присущего капитализм и неизменно расширяющегося неравенства. Равенство в этом смысле является кондиционированной нормой для реальных отношений, похожей на *capabilities* у Sen, а не только (наподобие справедливости у Rawls) процедурным критерием в духе равного отношения (Meuer 2004). Напротив: равенство требует неравного, неодинакового отношения к неодинаковым ситуациям. Поэтому политические цели субстанционального УР должны быть следующими (Grebing 2004):

- социально обосновывать свободу,
- подходить к равенству индивидуально,
- понимать справедливость как объемный, пронизывающий все сферы человеческого существования принцип,
- использовать солидарность как рычаг.

Участие является высшей целью устойчивого общества - экономическое, социальное и правовое участие в здоровой окружающей среде, в достойном жизни обществе, в демократическом правовом обществе с партиципативным принятием решений, в богатой культурной жизни, также через доступ к образованию, в работающей, наполненной и конкурентоспособной экономике в качестве наемного работника, независимого участника, пенсионера производства, собственника паев, производителя, торгового посредника и потребителя. Столь широко трактуемая устойчивость требует комплексных реформ, включая перераспределение труда и доходов с целью обеспечить участия в труде и его результатах, в образовании, а также для оптимизации качества, количества и доступности общественных благ. Устойчивость как участие контрастирует в этом смысле с все более сокращенным пониманием участия, доминирующим на политической арене, - как в консервативно-либеральном варианте, который ограничивает доступность формальными гражданскими правами (в рамках государства высшего слоя) плюс правами экономической свободы и свободой потребления, так и в ново-социал-демократическом варианте, который прибавляет к этому канону еще и доступ к образованию («зеленые» колеблются между этими двумя позициями и дополняют их

правами меньшинств). Вместо того чтобы закреплять в модифицированном виде участие в традиционно узком смысле, свойственном гражданственности «ситуайена», УР требует, отталкиваясь от него, сделать качественный шаг, ведущий от гражданственности дальше к обществу граждан. В нем бывшие привилегии не только становятся общим достоянием, в рамках этого процесса они расширяются в смысле дефиниции в Хартии прав человека в своей совокупности (т.е. включая социальные права человека). Таким образом, участие распространяется на все сферы жизни общества, от партиципативных муниципалитетов до экономической демократии.

4. Устойчивое развитие как договоренность или регулятивный модус

Политика УР требует, с одной стороны, новой контекстуализации существующей политики, которая может привести к ее модификации или дополнению (ср. пример внешней политики и политики безопасности в Приложении 2), с другой стороны, она, если хочет быть эффективной, должна быть связана с прежними ориентирами и использовать имеющиеся механизмы. В Федеративной Республике Германии шанс для этого дает социальное рыночное хозяйство как исторически доминирующая договоренность. В 1950-60-е годы оно было общественным гегемоном в христианско-демократическом варианте, в 1970-е годы - в социал-демократическом, а с 1980-х, особенно после присоединения экс-ГДР (ее доминирующая, государственно-социалистическая, договоренность сначала эродировала, а затем рухнула), превратилось в выходящий из моды регулятивный модус, пользующийся, однако, среди населения (в отличие от политического класса) по-прежнему сильной поддержкой. Политика УР может опираться на эту договоренность, а также некоторые центральные элементы данной концепции.

Так, к первоначальной концепции социального рыночного хозяйства относятся активная конкурентная политика, меры по улучшению социальных отношений с целью социальной справедливости; другими основными элементами являются участие в управлении и повышение состоятельности наемных работников. В этом смысле «социальность» социального рыночного хозяйства представляет собой не дополняющее или корректирующее мероприятие, а предпосылку рынков и признак институциональной договоренности в целом. Этические и политические, т.е. внеэкономические цели образуют соответственно «признаки институционального смысла», на которых основываются различные концепции общего блага. Они реализуются через политический процесс в институтах общества, которую в свою очередь формируют смысловые и целевые задания для экономики, образуя ограничения и открывая шансы для действий (Katterle 1999)¹

Развивавшаяся на этой основе (ср. Müller 2004) экономическая экспансия получила преимущества за счет спроса, растущего благодаря ориентированной на производительность политике оплаты труда (и облегченного недооцененной валютой экспорта); относительно высокий темп экономического роста и сокращение рабочего времени обеспечили полную занятость, несмотря на растущую производительность труда. Экономический рост был поддержан реальной процентной ставкой ниже уровня роста (т.е. инвестиции в реальный сектор были, несмотря на гарантированную доходность, привлекательнее инвестиций на финансовом рынке). Начиная с первого кризиса нефтяных цен в начале 1970-х годов и политики „middle-of-the-road-monetarism” Гельмута Шмидта в 80-е годы, значение процентной ставки, тем не менее, изменилось: она уже не служит преимущественно поддержке экономики и занятости, а направлена исключительно на борьбу с инфляцией, т.е. сохранение стоимости денежных состояний.

Составные части этой договоренности характеризуют сегодня экономическую политику Федеративной Республики Германии, однако степень воздействия уменьшается. Как и любая договоренность, она представляла собой ограниченный во времени компромисс на базе господствовавших к моменту исходного периода соотношения сил с целью временно сбалансировать социальные конфликты. Если такие компромиссы и институты с широкой поддержкой признаются добровольно, становясь нормами, действительными без дальнейшего обоснования, то наступает самовоспроизводящаяся стабильность, а они превращаются в регуляционный модус (Alain Lipietz) или габитус (Pierre Bourdieu),

¹ Существенным институтом являлась при этом договоренность между работодателями и профсоюзами при участии государства, которая в 1970-е годы обозначалась как т.н. «концертированная акция», а к концу столетия потерпела неудачу под названием «союз ради труда» (уже в 1987 г. Фукс констатировал, что «концепция неокорпоратизма... давно превратилась в исторический реликт 60-70-х годов» ((Fuchs 1987, S. 289). Новые концепции multi-level governance являются сегодня более адекватными проблемам.

Существующие договоренности рвутся - в зависимости от ситуации - формально или неформально, новая договоренность достигается в полном конфликтов, прерывистом процессе согласования с открытым результатом (Whitehead 1996). Такой механизм повторяющегося согласования остается в силе пока все стороны хотят договориться, при этом стремление к договоренности, которая могла бы опираться на

широкую поддержку, является достижением европейской культуры (сравнимые культуры баланса, даже еще более развитые, выработали, например, многие азиатские цивилизации). Этому противостоит сегодня в международном плане англосаксонская модель победителя („the winner takes it all”), которая представляет из себя стратегически обостренный вариант дискурса вокруг неолиберальной глобализации (и поддерживающей его неоклассической экономической теории). Эта модель уже не ищет добровольно признаваемых договоренностей, а только победу или поражение - проигравший обязан подчиниться определяемой победителем договоренности, получает задания и остаточные полномочия. Это уже не самостабилизирующийся регуляционный модус, а нестабильная ситуация в отсутствие консенсуса, склонная к частым перепадам. В настоящий момент в Федеративной Республике Германии налагаются друг на друга оба конфликта - вокруг способа борьбы и вокруг решения спорных политических вопросов в соответствии с тем или иным модусом (Spangerberg 2004). Как раз в ходе социально-политических конфликтов и борьбы за тарифные соглашения последних лет могло иногда создаваться впечатление, что их акторы участвовали в различных схватках на тех же самых площадках (что затрудняет предсказуемость противоборствующих сторон и - тем самым - итоговый результат).

«Модель победителя» приводит в политической практике через предпочтение иных форм согласования к другим представлениям о справедливости распределения и социальной ответственности. Тот факт, что эта модель, будучи продуктом гегемонистского дискурса глобализации, представляет собой консенсус в широких политических кругах, является основой нынешней перестройки и демонтажа социального государства. Ее идеологическое оправдание - постоянно повторяемый миф об исчезновении богатства и возможностей распределения несмотря на сохраняющийся (медленный) рост экономики и соответствующее умножение богатства; ввиду пустых касс, как следствие, якобы, не политики, а высшей силы (глобализации), она перестает играть в дискуссии какую-либо роль. Отсюда вытекает табуизация вопросов распределения (причем проблема отвергается либо как несуществующая, либо как неproblemатичная), и стигматизация не социального раскола, а требования его преодоления, как ошибочного и даже непристойного. «Убывающий общественный эффект растущего богатства» (Klein 2005, S. 5) даст о себе знать, но его причины не разрешается тематизировать.

Впрочем, такая измененная дефиниция социальных отношений принимается обществом лишь частично, медленно и с задержкой во времени. Постсоциальная социал-демократия воспринимается тогда не как проводник, а как предатель социальных

ценностей и подвергается наказанию оттоком голосов на выборах. Поскольку эти голоса ввиду консенсуса политического класса не могут отойти какой-либо другой традиционной партии, имеют место отход от партиципации (степень организованности и участие в выборах) и тем самым ослабление демократии в целом.

По сравнению с таким *status quo* необходимость в действиях и изменениях велика - нынешняя модель экономики так же малоустойчива, как и общественное отношение к природе или репрессивное государство благоденствия. Тем самым требование УР равнозначно требованию коренных и в конечном счете трансформирующих систему реформ; оно опирается на широкую поддержку общественностью целей отдельных измерений (труд и образование, мир и социальная безопасность, здоровая окружающая среда и конкурентоспособная экономика). Вполне очевидно, что протагонисты современной неолиберальной политики придерживаются соответствующих своим интересам стратегий противодействия, фальсификации вплоть до отчуждения, чтобы обезвредить устойчивость как вызов неолиберализму и контрпроект. Противодействие проявляется часто косвенным образом, когда такие «одержимые идеи 70-80-х годов», как границы роста, окружающая среда, демократизация и устойчивость, клеймятся как общие места и иллюзии без детального анализа социальных достижений и проблем этих десятилетий (см. Müller 2004). Фальсификации зачастую происходят через неолиберальные интерпретации, основные тезисы здесь - концепция «слабой устойчивости», устойчивый рост (OECD 2001; СЕС 2002) и др. Стратеги ей отчуждения руководствуется федеральное правительство с его экономистически суженными дискуссиями об ответственности поколений, государственной задолженности и принуждению к экономии. Подобные злоупотребления не должны, однако, вести к отказу от самой концепции - не будь она релевантной в качестве контрпроекта к господствующему учению, борьба с ней не была бы столь ожесточенной.

Выводы

Новая политическая практика не может долгое время обходиться без нового теоретического обоснования. Объемлющей теории УР до сих пор нет, есть ее отдельные элементы, которые используются частично параллельно и несвязанно, частично в контексте различных исследований по устойчивости (ср. напр. Hans-Böckler-Stiftung 2000; Grunwald et al. 2001; Kopfmüller et al. 2001). Формирование теории дискурса УР является, однако, не эклектичным, а нацелено селективным. Выбираются такие элементы более старых общественных теорий и политических практик, которые соответствуют критериям субстанциональной устойчивости, и подвергаются при необходимости модификации. Так.

важные элементы концепции берут начало от консервативной традиции (охрана природы, сохранение творения = охрана окружающей среды): другие представляют собой ценности и результаты социалистических движений (равенство, социальная справедливость), третьи вытекают из политического либерализма, как принцип постановки человека в центр общего блага, где он никогда не является лишь средством для цели, а всегда - самоцель (иначе в экономическом либерализме, для которого человек - инструмент производства и фактор затрат, но не самоцель). Из их взаимосвязи возникает интерпретация термина «устойчивое развитие» в расширенном смысле - социально, экологически, экономически и институционально устойчивого развития (Spangenberg 1987; 1995). Такое комплексное понимание обозначается также (в соответствии с его методом) как трансдисциплинарное или (по виду изучаемых систем) нелинейное - в отличие от дисциплинарных или линейных подходов к анализу (Larke 2001). Непосредственно из этого различия вытекают различные методические предпочтения при оценке устойчивости: дисциплинарно ориентированные исследования изучают все феномены при помощи методов, связанных с теми же специфическими канонами теории; в экономике по этой причине часто применяемым средством выбора является анализ затрат и эффективности. Трансдисциплинарный анализ, напротив, дает в результате данные, связанные с различными качественными и количественными методами, и не располагают общим знаменателем. На этой базе проводить анализ затрат и эффективности невозможно без перевода социальных и физических данных в монетарные количественные показатели, т.е. без дополнительного привлечения системы ценностей, заданной научно-политической и властной элитой как коллективно обязывающая и являющаяся основой и предпосылкой подобной конверсии. С целью институциональной устойчивости подобный подход несовместим.

Политика УР не только потому является вызовом особого рода, что ее концепция столь претенциозна, а теоретический фундамент - еще так неполон, но и потому, что она представляет собой альтернативу консенсусу политического класса, в частности, в Германии. Она требует не только модификации господствующей политики, но и ее коренной переориентации. Несмотря на широкую поддержку отдельных целей, до сих пор не удалось убедительно представить целостную концепцию и сделать ее таким образом, пригодной для политики (свою роль играют средства массовой информации как страж неолиберальной власти). Сформулировать такую альтернативу и реализовать ее там, где возможно, в очевидно иной политике, является вызовом именно для демократических социалистов.

Приложение 1: История концепции устойчивого развития (Spangenberg 2005)

Понятия УР и способности к будущему являются двумя из примерно 20 принятых переводов английского термина „sustainability“, который, по сути, означает: «сохранить способность к функционированию той или иной системы». Корни понятия, однако, более ранние и находятся в саксонско-польском королевстве Августа Сильного: „sustainable yield“ - это принятый с 19-го столетия английский перевод с немецкого лесного профессионального понятия устойчивости, введенного Карловицем в 1713 году¹. Он требовал «последовательного регулярного устойчивого использования» лесных запасов (Carlowitz 1713, с. 105, по: Grober 2002), которые были основой горной промышленности, выплавки серебра и строительства, центральной предпосылкой для национального благосостояния, и критиковал сплошную вырубку лесов для «извлечения денег», поскольку «под видимой прибылью скрывается невосполнимый вред (Carlowitz 1713, с. 85, по: Grober 2003). Прямое выражение «устойчивый» впервые применяется в 1732 году его современником Германом Фридрихом фон Геххаузенем (Tremmel 2003). Уже тогда дебаты вокруг устойчивости были международными, интенсивно велись в Англии, Франции, Скандинавии и, позднее, в колониях (Grove 1992; Grober 2002). В Англии устойчивое развитие лесного дела пропагандировалось как вклад в возрождение имперского флота, во Франции оно было частью борьбы за абсолютизм. В США концепция потерпела поражение, но стала одним из источников движения в защиту природы (wilderness protection). УР не является, таким образом, выдумкой мыслителей-идеалистов, не представляет собой «непорочное зачатие» всеобъемлющего концептуального решения, оно развивалось как ответ на экономические и политические кризисы, а также военные поражения и угрозы. Концепция стимулировалась стремлением к власти и абсолютистскими претензиями на господство, но ее отвергала идеология экономического либерализма, с которой она находится в конфликте более 250 лет. Во второй половине 20-го столетия концепция испытала влияние социальных боев, деколонизации и конфликта распределения между Севером и Югом, а в последней декаде века - действовавших по всему миру движений за гражданские права как нового актора национальной и международной политики; двум последним группам акторов она послужила для формулирования критики роста и распределения (именно ее, поскольку она критикует результаты господствующей системы, всегда является также критикой системы и, таким образом, капитализма, не предлагая, однако, законченной теории как альтернативы).

¹ Предложенные Карловицем подходы все еще вполне актуальны: он предложил инвестировать в подготовку ресурсов («посадка диких деревьев»), улучшить экологическую эффективность и производительность ресурсов («искусство экономить древесину»), улучшенная теплоизоляция при строительстве домов, энергосберегающие печи в промышленности и домашних хозяйствах), а также искать заменители («суррогаты»). Попутно Карловиц сформулировал основные положения социальной этики, содержащие минимальные социальные нормы как внутри одного поколения («также бедным подданным»), так и в между поколениями («любезному потомству»); цитаты (в историческом правописании) по: Grober (2000), другие сведения по: Grober 2002b; 2005. Такую социальную ответственность, впрочем, не следует расценивать как опережение современных концепций социального государства, это скорее протест против старых континентально-европейских традиций владения как «патримониума» вкпе с обязанностью сюзерена проявлять заботу, постепенная эрозия которых была, например, одной из причин крестьянских войн. Возникшее из латинской правовой традиции право на свободное распоряжение («доминиум») окончательно пробило себе дорогу в Германии лишь благодаря кодексу Наполеона.

Сегодня «устойчивое развитие» обозначает концепцию, являющуюся результатом международных дебатов, и, в основном, связана с двумя линиями дискуссии поздних 1960-х и 1970-х годов: дебаты вокруг окружающей среды Севера и дебаты вокруг распределения Юга. В совокупности они доминируют с тех пор в международной дискуссии. Следует назвать два центральных документа для Севера: доклад Римскому клубу «Пределы роста» (Meadows 1972) и «Global 2000 - Отчет президенту» (Council on Environmental Quality 1980). В традиции Мальтуса и Рикардо, они подчеркивают абсолютную скудность экологических ресурсов и не тематизируют их возможную заменяемость, или - как Дали - считают их лишь ограниченно достаточными (Oaly 1991). Юг исторически ориентируется скорее на Маркса, чем на Мальтуса, ставя проблемы распределения выше проблемы ресурсов. ¹ Ключевыми документами этого направления стали сформулированный как ответ на «Границы роста» Bariloche-Report «Границы нищеты» (Негтега 1976) и отчеты комиссий Брандта и Ниерере «Обеспечить выживание» и «Вызов Юга» (Unabhängige Kommission für Internationale Entwicklungsfragen 1980; Südkommission 1990).

Маркс принимает для различных измерений различные понятия стоимости (меновая стоимость на рынке - для экономического, потребительская стоимость - для социального измерения). При таком рассмотрении экономики окружающая среда подпадает под потребительскую стоимость, выводится вовне ((Burkett1996). На основе их анализа и опыта современной истории Маркс и Энгельс формулируют цели для различных измерений (все телеологически-утопические идеологии, либерализм или социализм, как светские религии спасения, обладают идеальным конечным состоянием, т.е. образом-идеалом, покрывающим также специфическим образом цели справедливости): Экономической целью было развертывание производительных сил, без учета других как политико-социальных границ возможного прироста; в социальном плане их долгосрочное представление о справедливости основывалось на идеале справедливости потребностей в конечном состоянии коммунизма. Межпоколенческая справедливость должна если не достигаться, то ставиться в качестве цели в переходном обществе социализма в экологическом плане: рациональное развитие обмена веществ с природой с целью поддержания производительности природы как основы производства и воспроизводства (здесь находятся также некоторые корни распространенной сегодня теории промышленного метаболизма, во многом напоминающие сегодняшние дебаты, ср. Martinez-Alier/Naredo 1982; Martinez Alier 2004); институционально на переднем плане находился идеал равенства бесклассового общества как принцип общественной организации, с ведущей ролью рабочего класса, дополненный свободной ассоциацией производителей как динамический принцип организации экономики. Кроме того, концепция содержит и другие, вполне современно звучащие указания, в частности, на ответственность поколений, вовлеченность человека и его хозяйства в законы природы, налагающие ограничения на любую экономическую и общественную систему (предтеча дебатов об энтропии экономики у Georgescu-Roegen (1971; 1986). Стержневые структурные критерии концепции УР таким образом соблюдены, что не означает, что содержательное наполнение критериев соответствует целям УР: тот факт, что наследие Маркса и Энгельса содержит как разрозненные экологические подходы, так и последовательно позитивную оценку индустриализма с пренебрежением к его экологической релевантности (Lutz 1998), указывает скорее на недостаток интеграции. Хотя Маркс отчетливо видит растущее потребление материалов, связанное с повышением производительности труда, и прогнозирует в результате непоправимый ущерб для когерентности социальных отношений обмена с природой как следствие законов природы (Burkett 1996). Но поскольку он рассматривает освоение природы как чисто общественный, а не как также физико-

экологический процесс, и подобно современной экономике полагает, что Границы доступности ресурсов могут быть раздвинуты благодаря подходящей организации процессов производства и обмена, понимание ограниченности побед над природой не мешает ему постулировать для конечного состояния коммунизма удовлетворение всех потребностей без какой-либо верхней границы (Martinez-Alier/Naredo 1982). Никакая «Steadz State Economy» не пришла бы Марксу в голову, даже если современные авторы, как МШ, уже думали об этой перспективе, Маркс был знаком с законами энтропии и предложениями соединить физический взгляд с его теорией стоимости труда (ср. 2004 Martinez Alier о работах Podolski).

Объединяющее обе традиционные линии понятие “Sustainable Devolepment” было утверждено с новым социально-этическим образом Экуменического совета церквей 1975 года (Grober 2002) и стратегией защиты всемирной природы (IUCN/UNEP/WWF 1980) и стало известным международной общественности (United Nations 1983; WCED 1987) благодаря Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию WCED (получившей по имени своей председательницы название «Комиссия Брундтланд»). После конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (United Nations 1992) эта концепция утвердилась во всем мире в качестве новой политической парадигмы, которую, среди прочих, пропагандируют до сих пор Объединенные нации (United Nations 2001). Хотя немецкий перевод восходит к экономической концепции лесного хозяйства, он наполнился также и расширенной тематикой UNCED, которая по ходу дебатов постепенно дополнялась конкретизированным социальным и институциональным содержанием (ср. Tremmel 2003). В стремлении избежать излишне экономической интерпретации понятия, были предложены другие переводы, например «способность к будущему» (BUND/MISEREOR 1996) или экологически акцентированное понятие «устойчиво-адекватное окружающей среде развитие» (SRU 1994; 1996; 1ЛВА 1997). В немецкоговорящей среде доминирует термин «устойчивое развитие», в Федеративной Республике Германии - еще и «развитие, способное к будущему», оба понимаются в смысле социально, экологически, экономически и институционально интегрированного УР.

Комиссия Брундтланд, доклад которой (на немецком языке: Hauff 1987) по-прежнему является вместе с Agenda 21 (United Nations 1992), «решениями миллениума» и планом действий WSSD в Йоханнесбурге 2001 г. (United Nations 2001) важнейшим документом для понимания УР, пыталась в соответствии с поручением интегрировать это

течение. В докладе называются взаимно обусловленные ключевые проблемы УР (ср. (vgl. Kopfmüller et al. 2001):

- первый социальный вызов: углубление неравенства в распределении доходов и состояний;
- второй социальный вызов: множество людей, живущих в бедности;
- экологический вызов: деградация природных основ жизни человека;
- институциональный вызов: вытекающие из этого угрозы для мира и безопасности.

Эти глобальные, всеобъемлющие вызовы воспринимаются, однако, по-разному, в зависимости от реального положения сталкивающихся с ними людей, от доминирующих структур дискуссии. Так, *на Севере* результаты Комиссии Брундтланд понимались в основном как усилия в области окружающей среды, а для Юга они были возвращением к обсуждению проблематики развития и распределения - после «потерянного десятилетия». Эта дихотомия восприятий „sustainable development” была не только главной проблемой, препятствовавшей попыткам Комиссии Брундтланд прийти через интеграцию целеустановок Севера и Юга к консенсусным в международном плане выводам и предложениям (WCED 1985). Она также объясняет часть последующих проблем операционализации на национальном и международном уровнях. Дихотомия восприятия продолжает, таким образом, существовать, хотя интегративный подход уже был частью постановленной Генеральной Ассамблеей ООН перед Комиссией задачи - в равной степени учитывать экономическое, социальное и экологическое измерения развития человечества (United Nations 1983).

Из этой связи вытекает трактовка термина «устойчивое развитие» в расширенном смысле интегрированного социального, экологического, экономического и институционального развития. Такое комплексное понимание обозначается также (по применяемому методу) трансдисциплинарным или (по виду изучаемых систем) нелинейным - в отличие от монодисциплинарных или линейных аналитических подходов (Larke et al. 2001). С этим различием непосредственно связаны неодинаковые методологические предпочтения при оценке устойчивости: дисциплинарно ориентированные исследования изучают все феномены при помощи методов, основанных на аналогичных теоретических канонах; поэтому в экономике чаще всего выбирается анализ затрат и эффективности. Трансдисциплинарный анализ, напротив, выдает в результате данные, основанные на различных качественных и количественных методах и не имеют никакого

общего знаменателя. Анализ затрат и эффективности на такой базе невозможен без перевода социальных и физических данных в монетарное выражение, т.е. без дополнительного введения системы ценностей, задаваемой научно-технической и политической элитой как коллективно обязывающая, в качестве основы подобной конверсии. Такой подход несовместим с целью институциональной устойчивости. В подобных случаях выбирается не метод анализа затрат и эффективности, а анализ мультикритериев [Ср., напр., Munda et al. 1994; Munda 1995).

Приложение 2: Элементы устойчивой внешней политики, политики в области безопасности и мира

1. Исходный пункт

Немецкая внешняя политика, политика в области безопасности и мира находится в кризисе: если министр иностранных дел говорит о Европейском Союзе и ООН, то министр обороны заявляет о нацеленности бундесвера на возможность действовать по всему миру с целью защиты безопасности ФРГ не только на Гиндукуше.

Имеющая будущее внешняя политика и политика в области безопасности может развиваться лишь в процессе интеграции, учитывающем также аспекты внешнеэкономической и внешнеторговой политики, международной политики в области окружающей среды и - прежде всего - политики в отношении развивающихся стран, равно как и социальные и либеральные права человека. Исходя из такого расширенного понятия безопасности, она должна:

- развиваться комплексно и осуществляться с разделением обязанностей: политика безопасности имеет сложное сечение. Кроме уже названных министерств в ней должны участвовать другие ведомства - исследований и образования, потребителей сельского хозяйства, экономики и финансов, окружающей среды и охраны природы;
- основываться на партнерстве, т.е. не стремиться к доминированию над другими государствами; с такой моделью Европ имеет наилучший опыт, и ее следует распространить на сотрудничество Север - Юг (важно обсуждать первые проекты концепции с партнерами и на Севере, и на Юге до принятия окончательной редакции);
- носить долговременный характер. Для этого необходимо создать прочную перспективу, основывающуюся на широко разделяемых базовых аксиомах, таких как принцип УР, чтобы при всех различиях в деталях укоренить принципиальную

направленность за рамками партий и предохранить ее от неожиданностей при смене правительства.

2. Элементы

Внешняя политика должны быть сегодня мировой внутренней политикой; «внешность» в классическом смысле уже не поддается определению в эпоху экономической, коммуникативной и экологической глобализации. Мировая внутренняя политика охватывает такие уже возникающие структуры, как мировая экономическая и финансовая политика, мировая политика окружающей среды, международной безопасности, а также недооцененные до сих пор сферы мировой политики в области исследований и технологий, особенно мировой социальной политики (как и внутри страны, она представляет собой необходимое дополнение к глобальному экономическому развитию). Такое понимание внешней политики несовместимо с подходами неоимперской геополитики, предпочитаемой нынешней администрацией США и неявно лежащей в основе стремления вооружить ЕС до уровня мировой интервенционистской державы, превратив в партнера и конкурента США по ее образу и подобию. Если внешняя политика является мировой внутренней политикой, то и негосударственные акторы должны играть в ней новую, релевантную роль.

Политика безопасности необходимым образом включает в себя кроме «классических» тем, как разоружение, разрядка и предотвращение конфликтов, также вопросы социальной, экологической и экономической безопасности. Современными средствами для достижения этих целей являются не только международные договоры между государствами и межгосударственными организациями, но и - в дополнение - партнерства в области безопасности, окружающей среды и ресурсов и социальные партнерства, т.е. сети с участием гражданского общества, организация внутри- и межгосударственного дискурса. Они служат также противодействию мобилизации предрассудков и их воинствующему обострению, например, посредством возложения этнически дефинируемой ответственности в конфликтах с социальной, экономической (включая доступ к ресурсам) и экологической подоплекой. Антисемитизм, постоянно вспыхивающей в Германия в кризисных ситуациях, начиная с 12 столетия, и недавние погромы иностранцев в ФРГ являются уроками, которые нам следует учитывать в данной связи. К глобальной безопасности относится обеспечение достойной человека жизни, что означает возможность материального и символического участия (партиципации) в том или ином обществе при здоровой окружающей среде. Материальные улучшения происходят на основе поощрения благосостояния и справедливого распределения -

способная на будущее политика безопасности не может пройти мимо этих двух тем. К поощрению благосостояния принадлежит также доступ к ресурсам, а в регионах с дефицитом ресурсов (вода, земля, энергия) - установление таких режимов распределения, которые балансируют справедливость потребностей с индивидуальными и коллективными возможностями развития (так, к примеру, компенсационные платежи за воду в бассейне Аральского моря могли бы указывать на возможности мирного решения конфликтов вокруг воды Иордана и Евфрата, тогда как в Европе не хватает опыта такого рода конфликтов). Наилучшим предотвращением кризисов в подобных конфликтах является обеспечение “fair shares” для всех участвующих стороны - главный принцип УР. Исключительно государственная дипломатия оказывается при этом беспомощной в тех случаях, в которых могут эффективно действовать неправительственные организации.

Дефицит ресурсов уже не менее 300 лет является существенной причиной войн и колониализма (прежние империи были преимущественно нацелены на хищническое хозяйствование, присвоение предметов роскоши, не на массовые ресурсы). Вторая, параллельная с имперской экспансией стратегия была стратегией открытых рынков, свободной торговли и прямых инвестиций; ее влияние на распределение известно (хотя и небесспорно) так же, как эффект экологической деградации, а УР рынков денег, товаров и услуг в рамках глобализации - часть способной к будущему внешней политики и политики безопасности. Для этого необходимо сотрудничество с силами гражданского общества - от церквей и профсоюзов через НПО по охране окружающей среды и развитию до новых групп, таких как attas или Всемирный социальный форум и его европейские и национальные аналоги.

Так же долго существует концепция УР — проект будущего, нацеленный на предотвращение дефицита ресурсов не через экономическое или имперское освоение новых месторождений, а на модерацию потребностей через повышение эффективности ресурсов и замещение. Инициатива по использованию солнечной энергии, проявленная федеральным правительством в рамках конференции “Renewables” в 2004 году, может стать существенным элементом фундамента такой стратегии. Другими элементами могли бы быть далеко идущая дематериализация, описанная, среди прочих, А.Д.Литтлом (A. D.Little) в качестве экономической стратегии будущего для Германии, и переход к обществу знания, к которому стремится ЕС.

Безопасность на Юге является, впрочем, не только внутренней проблемой для государств Юга, но включает в себя и требования к Северу. Они затрагивают, в том числе, экспорт вооружений в районы, пока еще не охваченные напряженностью, конверсию

военной промышленности как пример для Юга (хотя учиться можно также и на его примерах) и усилия по продвижению полного разоружения в области оружия массового уничтожения именно на Севере. Лишь таким образом можно исключить потенциал угроз и злоупотребления и развивать глобализацию на пути мира.

Роль США представляет собой особый вызов для Европы: провал в Совете Безопасности ООН проявил давно ощутимую, но в значительной мере табуизируемую в Германии политическую слабость США, Вторжение США в Ирак не поддержали ни экономически и политически тесно связанные с ними соседи по НАРТА Канада и Мексика, ни экономически уязвимые государства, как Чили и Гвинея, а лишь очень ограниченно - старые союзники, как Саудовская Аравия и Турция. Предложенные платежи оказались недостаточными для того, чтобы преодолеть политические возражения. Экономическое положение с двойным дефицитом зиждется на глиняных ногах: драматическим образом выросший в результате снижения налогов дефицит бюджета составляет 400 миллиардов долларов и равен бюджету вооружений - американская военная машина финансируется фактически в кредит. Если иностранные денежные потоки иссякнут, США окажутся в тяжелейшем со времен 20-х годов прошлого века кризисе. Единственным преимуществом элит США (далеко за пределами республиканской верхушки), воспринимающих себя как гипер-державу, является на сегодня военная сила; это приводит к тому, что военные операции являются не последним, а единственным имеющимся средством защиты интересов. Европа может следовать такому курсу лишь ценой отказа от самой себя. Какое место занимала бы европейская сфера, если можно распространить европейскую модель договорных партнерств и совместного нахождения решений на другие страны, не предлагая им права прямого членства в ЕС? Все это - открытые вопросы, ответ на которые важен не только для государств Африки, Карибского побережья и Тихого океана или средиземноморских стран, но и для будущей роли Турции и - в среднесрочной перспективе - для балканских государств.

Наряду с ролью Европы и ролью ФРГ (ведущая сила интеграции ЕС и/или часть «оси недовольных» Париж-Берлин-Москва, отношения с новыми государствами-членами, экономически-экологическое партнерство или военными средствами подкрепленное доминирование в отношении «третьего мира»...) следует в этой связи прояснить роль международных институтов: сохранит ли ООН дееспособность в условиях ее бойкота со стороны США? Следует ли ей ради развития международного суда отказаться от и без того мизерного числа американских военных среди «голубых касок»? Следует ли ЕС взять

на себя гарантии по невнесенным взносам ради сохранения его дееспособности против воли США? Какую роль государства ЕС будут завтра играть а Бреттон-Вудских институтах, в «восьмерке», в Парижском клубе? Можно ли выдвинуть во всех этих структурах альтернативу политике США, нужно ли это делать, и если - да, то какие варианты здесь существуют?

Наконец, нерешенным остается принципиальный вопрос о легитимности вмешательства во внутренние дела других стран. В Вестфальском мирном договоре невмешательство было закреплено как принцип обеспечения мира и зарекомендовало себя на протяжении столетий, но сегодня уже не может быть реализовано в первоначальной форме: информационное, коммуникативное и экономическое переплетение мира исключает строгое невмешательство, и все государства мира подвержены, по крайней мере, косвенно, влиянию США и Европы. Не только ВТО и МВФ, МОТ и другие международные организации вмешиваются в национальные проблемы, это стало правилом и для мультинациональных концернов и для международных профсоюзов, а вмешательство во внутренние дела со стороны организаций по охране окружающей среды, защите прав человека и НПО в области развития считается даже проблеском надежды в смысле глобального УР. Государственная помощь в деле предотвращения конфликтов является одним из видов вмешательства - речь идет о том, чтобы хотя бы дать толчок дискуссии о том, каким образом можно регулировать в международно-правовом смысле соотношение между суверенитетом и первично неполитическим вмешательством, предотвращением конфликтов, содействием благосостоянию и справедливости. Если предотвратить конфликт не удастся, остается необходимость в мерах по кризисному менеджменту - от принуждения до обеспечения прекращения огня. И в этом ООН выглядела бы убедительнее, будь она лучше оснащена (для чего Германии интервенционистская армия, если она не будет целиком и полностью под командованием ООН?) и если бы ее государства-члены полностью отказались от оружия массового уничтожения. Это - цель, пусть и недостижимая целиком в обозримом времени, но приближение к ней уже представляло бы собой существенный прогресс. В виде широко признанной нормы, закрепленной, например, в Хартии ООН в качестве актуализации основных принципов международного права, она представляла бы собой в эпоху глобализации адекватное дальнейшее развитие ее миротворческой миссии, затруднила злоупотребление «гуманитарными интервенциями» и смогла объединить мир и УР как принципы развития для 21-го столетия.

Literatur

1. Beck, U., Giddens, A., Lash, S. (1996). Reflexive Modernisierung - Eine Kontroverse. Frankfurt/Main, Suhrkamp.
2. Brandl, S. (2000). "Leitideen und Strategien für eine nachhaltige Arbeitsgesellschaft." Perspektiven des demokratischen Sozialismus 17(2): 33-41.
3. BUND/MISEREOR, Ed. (1996). Zukunftsfähiges Deutschland. Eine Studie des Wuppertal Instituts. Basel/Berlin, Birkhauser.
4. Carlowitz, H. C. v. (1713). Sylvicultura oeconomica oder Anweisung zu wilden Baumzucht. Leipzig, Reprint Freiberg 2000.
5. CEC Commission of the European Communities (2001). A Sustainable Europe for a Better World: The European Union Strategy for Sustainable Development. The Commission's Proposal to the Gothenburg European Council. Communication from the Commission. Brüssels.
6. CEC Commission of the European Communities (2002). The Lisbon Strategy - Making Change Happen. Commission Staff Working Paper in support of the Report from the Commission to the Spring European Council in Barcelona. Brüssels.
7. Council on Environmental Quality (1980). Global 2000 -The Report to the President. Washington.
8. Daly, H. E. (1991). Steady State Economics. Washington/Covelo.
9. Daly, H. E. (1996). Beyond Growth. The Economics of Sustainable Development. Boston, Beacon Press.
10. Fuchs, G. (1987). "Grundsätzliche Überlegungen zur Entwicklung von Staatstätigkeit und Staatstheorie." Perspektiven des demokratischen Sozialismus 4(4): 287 - 291.
11. Georgescu-Roegen, N. (1971). The Entropy Law and the Economic Process. Cambridge, MA, Harvard University Press.
12. Georgescu-Roegen, N. (1986). "The Entropy Law and the Economic Process in Retrospect." Eastern Economic Journal 12(1): 3 - 25.
13. Grebing, H. (2004). "Die sozialen Ideen des demokratischen Sozialismus." Perspektiven des demokratischen Sozialismus 21.(2): 12 -20.
14. Grober, U. (2002). "Tiefe Wurzeln: Eine kleine Begriffsgeschichte von "sustainable development"-Nachhaltigkeit." Natur und Kultur 3(1): 116 - 128.
15. Grober, U. (2002). "Wise Use, Dauerwald, Land-Ethik." Natur und Kultur 3(2): 112 - 119.

16. Grove, R. H. (1992). "Anfänge des Umweltbewußtseins." *Spektrum der Wissenschaft* 1992(9): 76-81.
17. Grunwald, A., Coenen, R., Nitsch, I., Sydow, A., Wiedemann, P., Ed. (2001). *Forschung s werkstau Nachhaltigkeit: Wege zur Diagnose und Therapie von Nachhaltigkeitsdefiziten. Global zukunftsfähige Entwicklung - Perspektiven für Deutschland.* Berlin, edition sigma.
18. Hans-Böckler-Stiftung, Ed. (2000). *Arbeit und Ökologie, Endbericht.* Düsseldorf, Hans Böckler Stiftung.
19. Hauff, V. (1987). *Unsere gemeinsame Zukunft.* Darmstadt, Wissenschaftliche Büchhandlung.
20. Herrera, A., Skolnik, G. (1976). *Die Grenzen des Elends -Das Bariloche-Modell (engl. Original: Limits to Misery - The Bariloche Model).* Frankfurt/Main, Suhrkamp
21. Hildebrandt, E. (1997). *Nachhaltige Lebensführung unter den Bedingungen sozialer Krise - einige Überlegungen. Nachhaltige Entwicklung - Eine Herausforderung an die Soziologie.* K.-W. Brand. Opladen, Leske und Buderich: 244 - 258.
22. Hildebrandt, E. (1999). "Flexible Arbeit und nachhaltige Lebensführung." *Wissenschaftszentrum für die Sozialwissenschaften Berlin WZB Papers(P99-507):* 42.
23. Hinterberger, F., Luks, F., Stewen, M., (1996). *Ökologische Wirtschaftspolitik: Zwischen Ökodiktatur und Umweltkatastrophe.* Basel/Berlin, Birkhäuser.
24. Hofmeister, S. (1999). "Über Effizienz und Suffizienz hinaus." *Politische Ökologie* 62: 34 - 36.
25. IPCC Intergovernmental Panel on Climate Change. WMO World Meteorological Organization. UNEP United Nations Environment Programme (2000). *IPCC Special Report: Emission Scenarios,* New York/Nairobi, IPCC.
26. IUCN/UNEP/WWF (International Union for the Conservation of Nature, U. N. E. P., World Wildlife Fund), Ed. (1980). *World Conservation Strategy; Living Resource Conservation for Sustainable Development.* Gland, IUCN.
27. Katterle, S. (1999). *Stellungnahme zur Skizze eines sozialökologischen Nachhaltigkeitsszenarios.* Bielefeld: 5.
28. King, A., Schneider, B. (1991). *The First Global Revolution, A Report of the the Council of the Club of Rome.*
29. Klein, D. (2005). "Wo bleibt der Reichtum?" *RLS-Nachrichten*(Jan. 2005): 5.
30. Kopfmüller, J., Ed. (2003). *Globaler Wandel und nachhaltige Entwicklung. Bestandsaufnahme und Perspektiven für Forschung und Politik.* Berlin, Edition Sigma.

31. Kopfmüller, J., Brandl, V., Jörissen, J., Paetau, M., Banse, G., Coenen, R., Grunwald, A. (2001). Nachhaltige Entwicklung integrativ betrachtet. Berlin, edition sigma.
32. Lapka, M., Cudlinová, E., Rikoon, S., Boháč, J. (2001). "Use of linear and non-linear approaches to solving the problem of marginal areas." *Int. J. Sustainable Development* 4(2): 157 - 176.
33. Lüderitz, V. (2004). ProblemfaU Umwelt Ost - Hoffnung auf Nachhaltigkeit? Marburg/Berlin, Vorlage für den AK Nachhaltigkeit der rls: 12..
34. Matzner, E. (2002). "Der Staat im Globalisierungsprozess." *Perspektiven des demokratischen Sozialismus* 19(1): 8 -23.
35. Meadows, D. H., Meadows, D.L., Randers, J., Behrens, W.W. (1972). *The Limits to Growth*. New York, Universe Books.
36. Meyer, T. (2004). "Eine Theorie der sozialen Demokratie." *Perspektiven des demokratischen Sozialismus* 21(1/04): 5 - 16.
37. Müller, A. (2004). *Die Wachstumslüge*. München, Droemer-Knauer.
38. Nelson, R. H. (1997). "In memoriam: On the death of the 'market mechanism'." *Ecological Economics* 20(3): 187 - 197.
39. OECD, Ed. (2001). *Analytic Report on Sustainable Development SG/SD(2001) 1 - 14*. Paris, OECD.
40. Pearce, D. W., Atkinson, G. (1993). "Capital Theory and the Measurement of Sustainable Development: An Indicator of Weak Sustainability." *Ecological Economics* 8(1): 103 - 108.
41. Rat von Sachverständigen für Umweltfragen SRU (1994). *Umweltgutachten 1994. Für eine dauerhaft umweltgerechte Entwicklung*. Stuttgart, Metzler-Poeschel.
42. Rat von Sachverständigen für Umweltfragen SRU (1996). *Umweltgutachten 1996. Zur Umsetzung einer dauerhaft-umweltgerechten Entwicklung*. Stuttgart, Metzler-Poeschel.
43. Renner, A. (1998). "Zukunftsfähiges Deutschland" und Ordoliberalismus der Freiburger Schule - zwei gegensätzliche Welten? *Zukunftsfähigkeit und Neoliberalismus*. A. Renner, Hinterberger, Friedrich. Baden-Baden, Nomos: 93 - 116.
44. Schmidt-Bleek, F. (1994). *Wieviel Umwelt braucht der Mensch? MIPS, das Maß für ökologisches Wirtschaften*. Berlin, Basel, Boston, Birkhäuser.
45. Sen, A. (2000). *Ökonomie für den Menschen*. München, Wien, Carl Hanser Verlag.
46. Serageldin, L, Ed. (1997). *Expanding the Measure of Wealth; Indicators of Environmentally Sustainable Development*. Washington, D.C., The World Bank,

47. Spangenberg, J. H. (1987). "Ökologie, menschliche UmweSt und die Grenzen der Gestaltbarkeit." *Perspektiven des demokratischen Sozialismus* 4(1): 11-20.
48. Spangenberg, J. H. (1991). *Umwelt und Entwicklung*. Marburg, Schueren.
49. Spangenberg, J. H. (1992). "Globale Abhärtete tfer Creiseteaume auf Gegenseitigkeit," *Vencmmos* 1992(5): 12-21.
50. Spangenberg, J. H. "Sustamability und die politische Linke." *Forum Wissenschaft* 12(4): 52 - 53.
51. Spangenberg, J. H., Ed. (1995). *Towards Sustainable Buiopc. A Stüdy from the "Wuppertal Institute for Friends of the Earth Europe. Sustainable Europe. Luton/Bedfordshire, Friends of the Earth Publications.*
52. Spangenberg, J. H. (2001). "Investing in Sustainable Development." *Int. J. Sustainable Development* 4(2): 184 - 201.
53. Spangenberg, J. H. (2002). "Institutional Sustamability In-dicators: An Analysis of the Institutions in Agenda 21 and a Draft Set of Indicators for Monitoring their Effectivity." *Sustainable Development* 10(2); J 03 - 115.
54. Spangenberg, J. H. (2004). "Nach dem Ende des Neoliberalismus - die neue Rolle des Staates nach innen und nach aussen." *Perspektiven des demokratischen Sozialismus* 21(1/04): 52 - 73.
55. Spangenberg, J. H. (2005). *Die ökonomische Nachhaltigkeit der Wirtschaft*. Berlin, Edition Sigma.
56. Spangenberg, J. H., Pfahl, S., Deller, K. (2002). "Towards indicators for institutional sustainability: lessons from an analysis of Agenda 21." *Ecological Indicators* 2(1-2): 61 -77.
57. Stiftung Entwicklung und Frieden, Ed. (1995). *Nachbarn in Einer Welt. Der Bericht der Kommission für Weltordnungspolitik. EINE Welt. Texte der Stiftung Entwicklung und Frieden*. Bonn, SEE.
58. Südkommission (1990). *Die Herausforderung des Südens (Nyerere-Bericht)*. Bonn, Dietz.
59. Tremmel, J. (2003). *Nachhaltigkeit als politische und analytische Kategorie*. München, ökom.
60. ÜB A Umweltbundesamt, Ed. (1997). *Nachhaltiges Deutschland*. Berlin, Erich Schmidt Verlag.
61. Unabhängige Kommission für Internationale Entwicklungsfragen, Brandt-Kommission, (1980). *Das Überleben sichern (Brandt-Bericht)*. Reinbeck bei Hamburg, Rohwolt.

62. UNDP/CD UN Division for Sustainable Development. Department of Policy Coordination and Sustainable Development (1996). Indicators of Sustainable Development, Framework and Methodologies. New York, United Nations.

63. United Nations (1983). Resolutions of the 38th General Assembly. New York, United Nations.

64. United Nations (1992). Results of the World Conference on Environment and Development: Agenda 21. UNCED United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, United Nations.

65. United Nations (2001). Report of the Secretary-General, Commission on Sustainable Development, Advanced Unedited Copy, E/CN.17/2001. New York: 52.

66. WCED World Commission on Environment and Development (1985). Mandate for Change. Key Issues, Strategy and Work-plan. Geneva, World Commission on Environment and Development WCED.

67. WCED World Commission on Environment and Development (1987). Our Common Future. Oxford, Oxford University Press.

68. Weisbuch, G. (2000). "Environment and institutions: a complex dynamic Systems approach." *Ecological Economics* 34(Special Issue: The human actor in ecological-economic models): 381-391.

69. Whiteside, K. (1996). "Regulation, Ecology, Ethics: The Red-Green Politics of Alain Lipietz." *Capitalism, Nature, Socialism. A Journal of Socialist Ecology* 7(3): 31-56.